

Яся
БЕЛАЯ

ОН – МОНСТР.
ОН НЕ ЗНАЕТ
ПОШАДЫ.
И Я В ЕГО РУКАХ.

МОЯ
Большая
ЛЮБОВЬ

Яся Белая

Моя больная любовь

<https://litres.ru/74221197>

Аннотация

Он недаром носит своё прозвище – Монстр. Не ведает жалости, не знает пощады. И я оказалась в его руках. – Время платить, – говорит он, прожигая меня холодным взглядом. Вся дрожу, обнимаю себя руками. Мне страшно. Во рту сохнет. Я в панике. В голове пульсирует: «Только не сейчас». Но держусь на честном слове. – За что? – лепечу. – За долги твоего отца, – произносит и хищно ухмыляется. – И начнём мы прямо сейчас. На колени! – Хорошо, – успеваю сказать я и проваливаюсь в спасительную тьму. _____ Однотомник, ХЭ

ВНИМАНИЕ: мат и сцены жестокости и насилия

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1	8
Глава 2	26
Глава 3	41
Глава 4	52
Глава 5	62
Конец ознакомительного фрагмента.	70

ПРОЛОГ

Повязку, наконец, срывают, и я оглядываюсь вокруг.

Какой-то подвал. В углу – грязный топчан, рядом старый умывальник и ведро. Видимо, это имитация удобств. Свет здесь тусклый. Но не заметить его фигуру невозможно – он такой огромный. Кажется, занимает всё пространство. Если добавить к нему ещё и тех горилл, что притащили меня сюда, и сейчас застыли истуканами по бокам от своего босса, то понятно, почему нечем дышать...

Вдох-выход...

Во рту сохнет. Пальцы немеют.

Плохо дело.

Меня в буквальном смысле вытащили из постели, прямо в пижаме. Приволокли сюда. Я не успела *их* захватить. Мне не дали возможности.

Всё твердили про какого-то Монстра. И что у него ко мне есть вопросы.

Но сейчас он стоит ко мне спиной. Плечи, обтянутые чёрной кожаной курткой, впечатляют. Если я раскину руки – и то не получится обхватить. А рост! Такие, вообще, бывают? Настоящий великан!

О чём я только думаю? Это всё паника. И...

Нет-нет, только не сейчас! Не хватало только вырубиться!

Держись, Аська, держись.

– Анфиса Сотникова? – спрашивает великан, хотя, наверняка, знает ответ.

– Д-да...

– А я – Монстр, – усмехается, по-прежнему не оборачиваясь, – слыхала? Может быть, папочка рассказывал обо мне?

– П-папочка... – бормочу, старательно припоминая наши последние разговоры с отцом. Мы не очень близки. А после его второго брака он и вовсе отдалился от меня. Я стала обузой – слабая с рождения, тепличный цветочек, надо которым надо дрожать. И мама дрожала и тащила. Но мамы больше нет. А отец – откупается деньгами. На этом всё. – Не говорил... – мотаю головой.

– Уже неважно, – произносит мужчина и резко оборачивается.

Взгляд у него такой, что меня буквально вспарывает, как ножом. Глаза тёмные, хищные, злые. Смотрит на меня, как на грязь под ногами. Как на букашку.

Трясёт ещё сильнее. Руки ледяные. Очень плохо. Перед глазами всё дёргается, плывёт.

Ухмылка похитителя расплывается на всё лицо. Реально, монстр из фильмов ужасов. Мне бы заорать и шарahnуться, но я прирастаю к полу. Горло сдавливает. Темнеет в глазах...

Нет-нет, нельзя... Не сейчас... Умоляю кого-то невидимого, хотя и знаю, что он никогда меня не слушал...

– Хватит и того, что я знаю, кто ты... И что сделал твой отец.

Он грубо хватает меня за подбородок, вертит мою голову из стороны в сторону, словно товар осматривает.

– Хорошенькая. Губки пухленькие. Кожа нежная. Чистый ангелок. Но это... ненадолго. Сегодня тебе предстоит спуститься в ад...

В голове стучат молоточки. Во рту пустыня. Невольно дёргаю рукой, чтобы схватиться за грудь, где давит и жжёт...

– Нет-нет... Нельзя...

Монстр погано ухмыляется:

– Детка, усвой сразу – тут я решаю, что нельзя, а что можно. Тебе. Мне можно всё.

– Что я вам сделала? – еле хриплю, но хватает сил вскинуть голову и заглянуть ему в глаза. Вернее – в темные бездонные провалы.

Ухмылка становится ещё гаже:

– В том-то и дело, что пока ничего. Стоишь тут, глазами хлопаешь, тратишь моё время. Пора приступать к делу.

– К делу? – повторяю на автомате.

В голове уже каша, звон и кружение. Верный признак, что скоро случится самое худшее...

– Да, – говорит он, прожигая меня холодным взглядом, – время платить...

Голос звучит как сквозь вату. Отдалённо.

Мне страшно. Во рту сохнет. Я в панике. В голове пульсирует: «Только не сейчас, не сейчас». Держусь на честном слове. Хочу ещё прояснить кое-что. Поэтому лепечу:

– За что?

– За долги твоего отца, – произносит и хищно ухмыляется. – И начнём мы прямо сейчас. На колени!

– Хорошо, – успеваю сказать я и проваливаюсь в спасительную тьму.

Глава 1

АНФИСА

Несколькими часами ранее

– Ты видел счёт из последней клиники? – моя мачеха кидает бумаги на стол отца. Они сейчас разговаривают в кабинете. Я шла сюда же, но теперь понимаю, что лучше не привлекать к себе внимание, и прячусь за шкафом. Вижу прямую, как палка, спину Эвелины. Осанка у неё и впрямь королевская. Даже взгляд могу представить, каким она сейчас на отца смотрит.

Папа берёт бумаги, пробегает глазами.

– И что? – вскидывает глаза на мачеху.

– Что?! – возмущается та. – А то, дорогой мой Гришенька, что твоя дочурка скоро пустит нас по миру!

Отец отмахивается от жены, как от назойливой мухи:

– Эва, ты преувеличиваешь. К тому же, мы ничего не можем поделать – у Аси редкое врождённое заболевание. Ей нужны регулярные обследования, чтобы держать болезнь под контролем. Да и лечение в основном экспериментальное, поэтому так дорого. Сама знаешь – препараты приходится из-за границы выписывать.

– Гриша, – она обходит стол, приближается к отцу и кла-

дёт ему руки на плечи, — помнишь, я рассказывала тебе об одном реабилитационном центре в пригороде? Я разузнавала — там отличные медики. Асенька всё время будет под присмотром. Что ж мы мучаем девочку? Ей нужна опека врачей, а не мы. Недавний её приступ... До сих пор вспоминаю с ужасом. Пока скорая доехала! Мы могли бы потерять ребёнка! — и в голосе — вся скорбь мира. А мне хочется выйти из укрытия и спросить: а кто же его вызывал? Тот приступ?

Мне совершенно нельзя нервничать. Любой стресс — противопоказан. Но мачеха и её доченька Викуся всячески способствуют тому, чтобы я психовала как можно больше. Их цель — или извести меня, или упечь в какое-нибудь закрытое заведение. Чтобы глаза не мозолила. Ведь пока я здесь — у отца нет-нет да просыпается совесть, и он пытается (хотя бы пытается) заботиться обо мне. Но... Новой жене часто удаётся задушить эти попытки в зародыше. Папа всегда легко принимает её сторону. Вот и сейчас — обнимает Эвелину за талию, притягивает к себе, смотрит на неё преданно снизу вверх:

— Да, Эвочка, в твоих словах есть логика. Думаю, так и правда будет лучше для всех. Как бы мне не больно было это признавать, но Аська становится обузой. И дальше, к сожалению, будет только хуже. Её болезнь неизлечима. Да, сейчас у неё ремиссия, но кто знает, когда вновь может случиться рецидив. Займись оформлением в этот центр, я тебе доверяю.

Вот так просто. Я – обуза. Ненужная ему больная дочь. Отцу хватило моей болезненной мамы. Вернее, у него не хватило сил бороться за неё, вытягивать её. Когда маму увезли в больницу, он почти сразу завёл интрижку с Эвелиной, своей секретаршей. Она всё жалела несчастного босса, которому приходится разрываться между больной женой и больной же дочерью.

«От плохого семени не жди хорошего племени» и «Ни одному мужу не нужна больная жена» – эти две истины я усвоила быстро. Их повторяли все вокруг – от матери Эвелины, тоже облюбовавшей наш дом, до врачей в клинике, где лежала мама.

Тоже касалось и меня. Вряд ли кто-то захочет жениться на мне, узнав мой диагноз. Тем более что отец, хоть и имеет возможности, вряд ли даст мне хорошее приданное. Так что я обречена на одиночество. Не нужна даже собственному отцу. Вон как Эвелина его очаровала! Недаром же говорят, что ночная кукушка всегда дневную перекукует.

Пока они милуются – выскальзываю из кабинета и скрываюсь в своей комнате. Что мне делать?

Сажусь на кровать, обхватываю голову руками. Мне страшно представить, что за реабилитационный центр нашла для меня Эвелина. Наверняка, чуть лучше концлагеря. Мне действительно нужен регулярный присмотр врачей, но то должны быть высококласные специалисты. Каких я и почитаю в столице. Но вряд ли в пригороде будут столь же

классные профессионалы, чтобы справиться с моим недугом. А значит... смерть...

Падаю на шелковое покрывало спиной, смотрю на подвесной потолок – по голубому фону плывут облака. Умиротворение и счастье. Этот материал выбирала моя мама. Она хотела, чтобы я всё время улыбалась. И не представляла, что человек, которому она отдала своё сердце – первый и единственный мужчина – предаст сначала её, а потом и их дочь...

Мне горько и одиноко. Я бы уехала к бабушке, но снова – врачи. Где их найдёшь в глубинке? Да и откуда бабуля возьмёт деньги на моё лечение? Она всего лишь директор тамошней метеостанции... Денег на жизнь ей одной хватает. А я? Не хочу быть обузой. А сама, к сожалению, работать не могу. Любая притирка в коллективе связана со стрессами, порой, очень сильными. А мне нельзя. Да и образования толком нет. Так – «училась понемногу чему-нибудь и как-нибудь». Сначала школу закончила на домашнем. Теперь – дистанционно – пытаюсь учиться в институте. На психолога. Мне нужно, чтобы разобраться с тараканами в своей же голове. Работать по специальности не смогу. Груз чужих проблем мне просто не выдержать. У меня – после смерти мамы – глубокая депрессия. Доктора говорят, что она усугубляет болезнь. Мне бы с этим справиться...

Но... Что делать теперь?

Слышу, как дом наполняется суетой. Вспоминаю, что мы сегодня приглашены к Ваншенкиным – старинным друзьям

моей семьи. Только вот... от всей *нашей* семьи там будет только папа. Эвелина и Виктория специально спровоцировали тот приступ у меня, чтобы, сославшись на моё плохое самочувствие, оставить дома.

Зато Вика не упускает возможности поддеть – заявляется в мою комнату в новом платье. Оно удивительно ей идёт. Вика очень красивая, не чета мне. Да ещё ухоженная, гламурная. Хоть сейчас на обложку журнала.

– Как ты думаешь, Серёженька Ваншенкин обратит на меня внимание?

Сергей – старший сын Ваншенкиных, директор небольшой, но процветающей компании, работающей в сфере сотовой связи. Он на десять лет старше нас с Викой, мы же с ней – одногодки.

Фыркаю:

– У него же невеста есть. И он в своей Катюхе души не чает.

– Да пфф, – отзывается моя сводная сестра, – невеста – не стенка, подвинем.

– Вперёд! – указываю рукой направление. – Двигай. И из моей комнаты – тоже.

– Давай-давай, – отзывается Вика, – умничай, пока можешь. Скоро эта комната станет моей. И я всё отсюда выкину. До последней мелочи. И это – тоже. – Она тычет намянутым пальцем в полочку, где расставлены снимки в рамках. Мгновения прошлой счастливой жизни. Где мама и

папа ещё молоды и влюблены друг в друга. Где смеюсь я.

Меня пронзает ледяной холод отчаяния. Она так и сделает. С наслаждением. Уничтожит всё, что когда-либо было дорого мне. И я никак не могу это спасти. Я и себя не могу спасти. У меня не осталось ни одного родного человека, кроме бабули. Есть, конечно, тёти и дяди, есть мои крёстные. Но, во-первых, я никогда не решусь повесить на них свои проблемы. А во-вторых... Предложение отправить меня в центр – под неусыпное наблюдение медиков – выглядит вполне разумно и логично. Лучшим вариантом для меня, ага... Родственники тоже поддержат его.

Вика уходит, гордо хлопнув дверью. Она не даром носит своё имя – победительница по жизни. Всегда с гордо поднятой головой. Всегда добивается своего, прёт к намеченной цели, как танк. На мгновение мне становится страшно за Сергея Ваншенкина, но потом одёргиваю себя: он – взрослый мужчина, должен смочь позаботиться и о себе и о своей любимой. Иначе я сильно разочаруюсь в сказочном принце своего детства. Когда-то, каюсь, я и сама была влюблена в Сергея, но то оказалась наивная детская влюблённость, которая сожгла сама себя, так как взаимности с его стороны не было. Но для меня Сергей – драгоценный старший брат. Я всегда могу обратиться к нему, и он выручит. Знаю. Уже пробовала. Но... есть вопросы, в которых другие люди бессильны, тут надо решать самой.

А что я сама? Что могу?

Голоса стихают, слышу шорох шин, лёгкий стук закрывшихся ворот, – уехали.

Одна. Снова – одна. Как всегда одна. Хотя нет – в компании с тоской. А она – не лучший советчик. Не подскажет, как быть.

Я знаю код от сейфа в кабинете отца. Там он хранит личность. Суммы немалые. Но... куда дальше? Водить не умею, машины у меня нет. Да и охрана никуда не выпустит – последнее время её ещё и усилили. Видимо, Эвелина подстраховалась на случай, если я всё же решусь убежать, узнав, что они собрались избавиться от меня...

Да и водитель? Разве он сядет на руль без разрешения на то со стороны отца? Никто из них не станет рисковать своей работой и своей шкурой. Уж больно влиятельный человек мой отец, чтобы тягаться с ним.

Так что, даже если я добуду деньги, уйти с ними не смогу. Ведь если мне и удастся каким-то чудом подкупить охрану и уговорить водителя, куда я подамся дальше? К бабуле?

Я ведь не знаю жизни за пределами этого дома. Меня растили тепличным цветком. Всё, что нужно, всегда доставлялось на дом. Даже если я куда-либо выходила – всегда раньше была в сопровождении людей, охраняющих и берегущих меня. А сама? Да я загнусь где-нибудь от приступа паники. Из меня тот ещё беглец!

Иду в ванну, решив лечь пораньше, так как от раздумий голова кругом. И, наспех обмывшись, возвращаюсь в комна-

ту, надеваю любимую пижаму со смешным принтом и притягиваю к себе ноутбук. Вбиваю в поисковой строке название того центра, куда меня хочет определить Эвелина, и читаю, смотрю сюжеты, пробегаю общение на форумах и чувствую, как мне плохо. Я была права. Это жуткое заведение. Вроде бы – с одной стороны – у них всё благопристойно, не придерешься, фактов нарушений нет... Но люди в сети рассказывают страшное. А главное – и это пугает больше всего – до правды не докопался никто из них. Никто не добился справедливости. Я там просто умру...

Мои грустные размышления прерывает какой-то шум у ворот, потом – что-то похожее на звуки ударов...

Дальше – тяжёлые шаги, что всё ближе и ближе к моей двери. Вскоре она распахивается настежь, являя моему взору двух громил. Они кидаются ко мне, хватают под руки и куда-то тащат... Грозят каким-то Монстром... Говорят, что у него ко мне есть вопросы...

Когда я волнуюсь и в панике – у меня садится голос. Я не могу позвать на помощь, только хриплю, шепчу... Но, разумеется, никто этого не слышит. Охранники делают вид, что ещё и не видят. Меня спокойно проволакивают мимо них.

А когда меня закидывают на заднее сидение – я отключаюсь. Пока ещё ненадолго. Но это так – прелюдия, предчувствие большой беды...

МОНСТР

Попался, Сотников.

Харитон Маньков по кличке Монстр откинулся в кресле и покрутился. Он был явно доволен собой. Давно искал эту гниду, давно подбирался к нему. И вот, наконец, нашёл слабое место – дочь, Анфису, нежного ангелка, папину принцессу.

Монстр ослабился: то, что нужно. Любой отец будет зубами рвать за любимую дочурку. Причинить боль малышке – вырывать сердце ублодку.

Мужчина вновь взял в руки один из снимков, с которого улыбалась юная девушка. Большие чистые серые глаза, бледная кожа, наверняка, нежнее шёлка, копна волос, какого-то необычного – будто коньячного – оттенка. Такую прелесть даже трогать жалко. Да он бы и не тронул. Никогда бы не прикоснулся к невинной – а Маньков был уверен, что девочка ещё целочка, но... малышке не повезло оказаться дочерью этой мрази Сотникова.

Повертел фото в руках, обвёл пальцами овал.

– Знала бы ты, детка, какое дерьмо твой любимый папаша. Наверное, сама бы захотела его убить. Но, увы, тебе предстоит стать оружием моей мести. Остриём ножа, которым я выпростаю эту тварь. А потом – швырну его сердце на землю и попрыгаю на нём. За всё, что он сделал с моей семьёй...

Харитон невольно прикрыл глаза, так как накатили непрошенные воспоминания. Сначала Сотников пришёл за его мать, потом – за старшей сестрой... Похоронив обеих, Маньков поклялся на их могилах, что однажды так же при-

дёт за теми, кто дорог самому Сотникову.

И как же противно, что для всех этот поддонок оставался порядочным семьянином, честным бизнесменом, позже – добросовестным чиновником. Никто и не догадывался о его мерзких пристрастиях. А Харитон увидел всё своими глазами и больше никогда не забудет... Измученные окровавленные тела матери и сестры потом долго являлись в кошмарах.

И он ничего не мог сделать, не мог добиться справедливости. Сотников уже тогда был помощником мэра областной столицы. Против него не пошёл бы никто. Следователи выслушивали двадцатидвухлетнего парня, узнавали, кто замешан, сочувствовали и разводили руками. Адвокаты сразу отказывались представлять его интересы.

Вот тогда-то Харитон Маньков и пообещал себе – достичь таких высот, чтобы была возможность поквитаться с Сотниковым, а ему самому – ничего не было.

И если для этого пришлось стать на путь порока и преступлений, что ж – пусть он даже рухнет во тьму самого ада, но утащит за собой эту гниду, отберёт самое дорогое, вырвет сердце...

Но судьба опередила – жена Сотникова умерла за четыре года до того, как у него, Харитона, появилась возможность осуществить свою месть. Ничего, зато оставалась ещё дочь. Тепличный цветочек. Он узнал, что Сотников бережёт свою малышку, как зеницу ока. Прячет ото всех. Она даже в школу не ходила. На домашнем обучении. Вокруг всегда полно

охраны. Но и он не лыком шит. Уже не тот мальчишка, сложенный отчаянием. Теперь у него под началом два десятка головорезов, пятеро из которых сейчас мчат к резиденции Сотникова за его дочуркой.

Маньков вновь посмотрел на фото, снова тронул изысканный девичий абрис.

– Ну, почему ты такая?... – спросил неведомо кого.

Ведь после того, как всё закончиться, он сам станет падалью, как Сотников. Плевать, он и теперь не ангел. И не успокоится, пока не отомстит...

– Привезли, – прокричал кто-то из головорезов.

– Буду ждать в подвале, – бросил коротко и понёсся вниз. Сейчас... Уже скоро начнётся его месть.

Так почему же нет удовлетворения? Почему он, мать его так, не ликует?

Ты совсем охуел, Харитон? Чего ещё тебе надо? Ты же Монстр! Огромный город в страхе держишь, а волнуешься, как грёбанная целка перед первым трахом? Давай, соберись!

Пиздец.

Что с ним?

Стоял, сложив руки за спиной, смотрел в низкое, разрешённое окно. Для девчонки оно надолго станет единственной связью с внешним миром. Пока она здесь и не подохнет.

Прислушался к шагам.

К голосам.

Что-то было не так.

Слишком тихо.

Никто не истерил, не ругался, не требовал отпустить.

Потому, что девочка здесь, он понял, когда затхлое помещение наполнилось цветочным ароматом. Чистенькая, на-
верное, только после ванной.

Как же охуенно пахнет. Должно быть, её шампунь. Воло-
сы от таких – шелковистые. Такие приятно мотать на кулак,
когда засаживаешь особенно глубоко...

Он нарочно не оборачивается сразу.

Хочется её понервировать и... разобраться в той хуе,
что творится с ним самим.

Блядское волнение.

С чего бы? Наверное, от предвкушения скакануло давле-
ние, вот пульс и расшалился. Шандарахал сейчас в ушах так,
что Харитон едва не глох.

– Анфиса Сотникова? – бросил через плечо.

Ответ он знал и так, но хотелось услышать её лепет... Хо-
тя... Кому он врал? Просто – её голос. Голосок.

– Д-да... – так и есть – будто весенний ручеек.

Блядь.

– А я – Монстр, – усмехнулся той дичи, что творилась с
ним, – слыхала? Может быть, папочка рассказывал обо мне?

Да откуда ж? Он, наверное, и забыл уже о двух женщи-
нах, которые молили его о пощаде. Забыл, что сделал с ни-
ми. Никогда не думал, что придут и за ним. За его сокрови-
щем. Дочуркой.

– П-папочка... – пробормотала девочка, как-то очень растерянно. Но так... будто сомневалась не в словах, а в самой возможности такого разговора, и завершила уже увереннее: – Не говорил...

– Уже неважно, – произнёс он и резко обернулся.

Боже, да она же совсем мелкая... И хлипкая. Соплём перешибёшь. Как бы не подохла раньше – пока он её ебать будет. А он будет – жестко и не церемонясь. Но трахать дохлака не хотелось бы, он же не некрофил какой-нибудь.

Блядь.

Да ещё и глазищи эти на пол-лица. Омутные.

Хоть выкалывай.

Потому что когда смотрит вот так, когда хлопает своими ресницами коровьими, внутри всё в узел скручивает. Хочется эту мелочь в охапку сгрести, баюкать, врать ей, что всё будет хорошо.

Хочется, мать его, быть нежным.

Но нельзя.

Не с ней.

Но видеть, как её трясёт, почему-то неприятно. Руки, щаз, ледяные. Он уверен. Спрятать бы эти крошки-ладошки в свои, греть бы дыханием...

Блядь.

Он много пиздеца в своей жизни натворил. За последние десять лет столько грязи хлебнуть пришлось. Только вот баб

никогда не насиловал. Зачем? Они сами на его крепкий хуй прыгали и просили выебать их пожёстче. Да и не признавал он этого, не по-мужски.

Может, кто-то заржал бы, узнав, что у Монстра есть свои понятия о чести, не ебать бабу без её согласия – было одним из них, но ему пох. Понятия у него были и точка.

Поэтому он и ухмыльнулся, но не чтобы её запугать, а чтобы скрыть тот пиздец, что внутри творился, когда она вот так вот обмирала и глазищами своими – блядскими, нереальными – хлопала.

Воздух хватала, будто рыбёшка без воды.

Сука.

Не смотреть, не думать, врубать сволочь.

– Хватит и того, что я знаю, кто ты... И что сделал твой отец, – рывкнул и грубо схватил её за подбородок, повертел голову из стороны в сторону, осмотрел.

Рвать и метать хотелось. Разодрать блядь-Сотникова в клочья. Это из-за него малышка здесь. Из-за него у Харитона сводило сейчас пальцы – так желал касаться нежно, невесомо. Ведь кожа у малышки – атласная, гладил бы и гладил.

Ну, почему, почему ты такая? Почему – ты?

А он же сегодня – пададь и мразь. Поэтому:

– Хорошенькая. Губки пухленькие. Кожа нежная. Чистый ангелок. Но это... ненадолго. Сегодня тебе предстоит спуститься в ад...

Что за бред он несёт? Сам всегда гнобил тех долбоёбов,

что за счёт слабых баб самоутверждались – запугивали, унижали, растаптывали. Руки таким не подавал. А теперь вот сам дрожащую малышку давил.

А она лепетала тихо-тихо, едва различал:

– Нет-нет... Нельзя...

Прекрати! Сейчас же прекрати!

Блядь! Не могу! Когда в её голосе такие мольба и отчаяние...

Так...

Где у нас там Монстр? Включить на полную: ухмыляться погано, смотреть сально, давать дальше:

– Детка, усвой сразу – тут я решаю, что нельзя, а что можно. Тебе. Мне можно всё.

– Что я вам сделала? – девочка еле хрипела, дрожала, но у самой хватило силёнок вскинуть голову, встретить взгляд в упор, выдержать его. А у него – едва хватило сил не утонуть в её глазах – серых, влажно блестящих, обречённых... Точно маленький взъерошенный котёнок, который щерится, глупыш, на бойцовского пса...

Адов пиздец.

Так, ухмылку на рожу погаже, чтоб самому от себя мерзко было, и гнуть свою линию:

– В том-то и беда, что пока ничего. Стоишь тут, глазами хлопаешь, тратишь моё время. Пора приступать к делу.

– К делу? – повторила на автомате.

И его ступорила эта её заторможенность. Она не истерила,

не кричала, не бесилась. Была абсолютно спокойной внешне, хотя он и видел, как её колотило внутреннее.

Смелая и сильная девочка.

Достойная уважения.

Маленькая, одинокая, незащищенная.

Нет, нельзя, чтобы она заметила, как плавится его ледяной панцирь. Поэтому он сказал, добавив в голос стали:

– Да, время платить... – и обжёг ледяным взглядом.

Ну, во всяком случае, ему хотелось, чтобы было именно так.

Девушка всё-таки надломилась, выдала жалобно:

– За что?

Хорошо, что не заметила, как он судорожно сглотнул и сжал кулаки.

Действительно, за что? Она-то причём? Это отец у неё отморозок, а девочка эта – ангел...

Только вот он, Харитон, уже давно перекрасил свои перья в чёрный и сменил босса... Теперь он сам Монстр – исчадье ада, без души и сердца. Главное, поверить в это самому. Ухмыльнуться хищно, почти оскалиться, произнести глумливо:

– За долги твоего отца. И начнём мы прямо сейчас. На колени!

Но прежде чем он подумал, что будет делать дальше, когда она всё-таки встанет, малышка пробормотала:

– Хорошо, – и стала заваливаться набок.

Подхватил на руки, не дал встретиться с полом, заглянул в бледное, как полотно лицо, и планка рухнула:

– Вы что, совсем охуели? Говорил же – не трогать! Что вы с ней сделали?

– Ничего, шеф, честное слово.

– Не кипиши, Монстр, мы и правда, под руки вели, почти несли её. А в дороге с ней даже не разговаривали.

Громилы оправдывались, перебивая друг друга.

Пиздец.

Эти уёбки его бояться так, что в штаны готовы наложить. Они. Шкафы два на два.

А крошка – хоть и дрожала – смотрела смело и требовала ответа: «За что?»

Взглянув на девушку в своих объятиях, на смертельно-бледное личико, на длинные ресницы, от которых тени падали на скулы – высокие, красиво очерченные, Харитон понял, что ад разверзся для него самого.

Тот уровень, где он никогда не был.

Лишь знал, что там на входе пронзают сердце и пускают по венам... её...

– Какого хуя встали? Дуйте за Доком!

Те закивали и смылись.

Хорошо, не видели, как Монстр укладывал свою пленницу на топчан, как убирал волосы с её лица, как смотрел на неё...

А-то бы перестали считать боссом и перегрызли глотку.

А с перегрызенной глоткой ему никак нельзя...

– Почему ты такая? – шептал мужчина, трогая теперь уже не фото, а реальную девушку. – Почему – ты?

И не понимал, как теперь будет мстить?..

Глава 2

АНФИСА

Первая мысль, когда я просыпаюсь: *комната не моя*. И кровать, на которой я лежу, тоже. Моя – куда уже, да и такого тёмного белья нет. Не люблю его. Не понимаю смысла.

Так. Стоп! Где я?

Оглядываюсь – такое впечатление, что я, как та Машенька, оказалась в логове Михаил Потапыча, – мебель вокруг слишком массивная. Тяжелая такая, давящая. Точно не моя.

Здесь явно живёт кто-то очень большой и грубый. Как тролль. Или... Монстр!

Верно, вспомнила.

И амбалов, что ворвались в мою комнату и вытащили из кровати, и тряску в машине, и подвал, и *Его*. Эти страшные глаза. Синие-синие аж до черноты. Или в тусклом освещении цокольного этажа так казалось? Интересно, у него свой цвет или линзы? Если свой – то очень редкий, точно.

Господи, о чём я думаю?

Идиотка.

Меня же похитили, притащили к какому-то ненормальному и явно криминальному типу, который собирался стребовать с меня долги отца, а я лежу и думаю о том, какого цвета у него глаза на самом деле? Ну, не дура ли? Это стресс. Определённо.

Что со мной будет теперь? Я точно умру. Странно, признаю это с обречённостью, но без паники. Просто мало кто поймёт: иногда смерть – избавление. А иногда и вовсе – единственный выход. Других просто нет. Я и так прожила больше срока, который мне отмеряли медики, умру днём раньше или днём позже. Какая разница? Мне не за что цепляться. Меня ничто не держит. Жалко только одно – вряд ли Монстр убьёт меня быстро. Наверное, будет мучить и насиловать. Так, значит, так. Жалко, конечно, но... Перспектив ведь всё равно не было.

Вот только зачем на кровать приволок, да ещё и явно в свою комнату – ну да, если мне его габариты от страха не померещились такими огромными – то комната, точно, его. Станный он, этот Монстр.

Пытаюсь шевельнуть рукой – что-то больно впивается в сгиб локтя. Игла? Серьёзно? Бросаю взгляд вверх и вправо – привычный такой, знаю, что там должно быть. И оно есть – капельница. Тонкая прозрачная трубка тянется к моей руке.

Что за дрянь они мне капают? Моя медленная и мучительная смерть уже началась? Ну да, без моих таблеток так и будет.

Вот, снова плыву... И голоса сквозь вату. В соседней комнате...

Дверь, правда, открыта, и они рядом. А то, наверное, вряд ли бы слышала столько и так чётко.

– И что ты предлагаешь, Док? Нянчиться с ней? – это явно

говорит Монстр. Его низкий хрипловатый голос вьелся мне на подкорку.

– Тебе решать, – второй звучит равнодушно, холодно, будто неживой. – Я уже сказал, ей нужно лечение и присмотр врачей, а без этого она быстро умрёт. Но, в целом, какая разница – ты же как раз этого и хотел...

– Не этого, – откликается Монстр, и в его тоне мне чудится прямо-таки обида. Словно моё самочувствие сломало его планы. И вскоре выясняется, что так и есть: – Знаешь ли, трахать девицу при смерти – то ещё удовольствие. Ебать и думать, что откинется прямо под тобой. Фу, мерзость. Не, я на такое не подписывался.

Усмехаюсь: то есть, вот это всё, что он собирался сделать, будь я более здоровой, оно не мерзость? А полудохлую сношать – нам не комильфо. Ага. Ишь ты, какой чистоплюй выискался, как сказала бы бабуля. Впору расхохотаться, но пока рановато – смеяться буду последней, как и полагается.

А пока – слушаем дальше.

– ... вот поэтому и спрашиваю: что будешь делать с ней? – интересуется всё тот же, будто механический, голос.

– Разумнее всего вывезти в лесопосадку, – описывает перспективы Монстр, – прихлопнуть и закопать. В конце концов, это тоже будет мстью. Послать фотки Сотникову. С припиской: «Ты следующий».

Вот теперь можно и посмеяться.

И я прыскаю, а потом и вовсе закатываюсь. Хохочу до

слёз, игнорируя, что от того, как сотрясается тело, игла особенно больно впивается в вену.

Мужчины вбегают и замирают в шоке, глядя на заливающуюся меня.

– Она, что, ещё и того? – почти с суеверным страхом произносит Монстр.

– Полагаю, обычная девичья истерика. Перенервничала, – всё тем же тоном зомби говорит человек в белом медицинском халате, который не надет на нём, а будто прирос. Глаза у этого типа прозрачные, лицо длинное, лошадиное, взгляд стеклянный. Премерзкий мужичок, как его только пускают с людьми работать? Хотя... Может, он не по людям, а по трупам? Патологоанатом, вот... Самое то для бандитской шайки.

Вытираю слёзы, поворачиваю голову в их сторону и говорю:

– Вы ошиблись. Притом – оба.

Голос у меня сейчас тихий, хриплый, сама себя еле слышу, но, уверенна, они оба чётко всё разобрали, поняли каждое слово.

Монстр складывает руки на груди – кожаная куртка на плечах так натягивается, что вот-вот треснет. Ого! Вот это мускулы?

Чёрт! О чём я опять?

Глаза, мускулы, ширина плеч... Я точно умом двинулась, если пялюсь на него и ищу достоинства в лице и фигуре?

– Что ты имеешь в виду, Сотникова? Учти, блефовать не выйдет. И спастись враньём – тоже.

– Боже упаси, – кое-как поднимаю несколько пальцев вверх, пытаюсь заверить в своей честности, – врать самому Монстру?! Блефовать перед ним? Ни в коем случае – правду, правду и ничего, кроме правды...

– Ёрничаешь? – он выгибает бровь и ухмыляется. Ухмылка, впрочем, ему идёт – нахальная такая, самоуверенная. И губы у него красивые, чёткие, в меру полные, не пельменями...

– Пытаюсь, – хмыкаю в ответ. – В общем, вы, доктор, ошиблись – у меня не истерика. Мне действительно было смешно. Горько и смешно одновременно. И вы, Монстр, тоже ошиблись, что взяли меня. Отец не придёт за мной. Он только вздохнёт с облегчением. Я для него обуза. У него теперь новая жена и здоровая красивая дочь... А я... так...

– Док, выйди, – рявкает Монстр, а у самого аж желваки ходят, вон, как скулы обозначились – порезаться можно, – у нас тут разговор интересный намечается и приватный, при этом ...

Тот, кого он назвал Доком, кивает и, ничуть не обидевшись, идёт к двери, у выхода останавливается и бросает через спину:

– Тогда я поеду. Всё, что надо, написал. Там на тумбочке.

– Хорошо, – явно торопит его Монстр, – иди уже. И дверь за собой закрой.

Сам же хозяин этой берлоги усаживается в своё медвежье кресло, разваливается и уставляется на меня.

– Что ты хочешь этим сказать, Сотникова?

Приподнимаюсь на подушках, хотя руки дрожат и не слушаются меня. Но после нескольких попыток мне всё-таки удаётся принять относительно вертикальное положение. Это нужно, чтобы лучше видеть его.

Шёлк противно холодит спину – у меня задирается пиджамный топ. Шёлковое бельё выбирают те, кто начал жить хорошо не так-то давно. Ради понтов. Спать на нём на самом деле – удовольствие сомнительное.

Устроившись, я отвечаю Монстру:

– Лишь то, что сказала. У меня мачеха, у неё – дочь. Как в дурной сказке. А меня саму похитило чудовище и скоро сожрёт. Только вот... никто обо мне плакать не станет. Зря чудовище будет хрустеть моими костями. Я лишь обуза. Родной отец хочет сбавить меня подальше: с глаз долой – из сердца вон. Слышали?

Он усмехается, но почти по-доброму:

– А ты забавная.

– Да ну...

На самом деле я несу всю эту несусветную ахинею, потому что мне страшно. До чёртиков. До трясучки. До очередного надвигающегося обморока. Шутки и смех – лишь бравада. Слабое прикрытие. Думаю, он знает, чувствует, как хищник. А у людей в крови – бояться хищников, как бы мы не храб-

рились и не говорили, что готовы к смерти. Вот и я дрожу вся, трясусь, но говорю-говорю, придумываю на ходу, лишь бы заболтать собственный страх...

– Если бы похитили Вику, падчерицу отца, или Эвелину, мою мачеху, вот тогда бы он всполошился. А ради меня – пфф... Не будет вам удовлетворения. Он ещё и спасибо скажет, что убили и прикопали. Ему же меньше хлопот с похоронами.

– То есть, – хмыкает мой похититель, – Сотников – ещё большая мразь, чем я думал?

– Не знаю, – честно отвечаю и пожимаю плечами, – но я сама слышала, как накануне моего похищения он сказал Эвелине, чтобы та занялась оформлением меня в один гадкий реабилитационный центр. Там люди очень быстро переписывают на родню всё своё имущество и... отправляются в лучший мир. И всё шито-крыто, не придерёшься.

– А у тебя есть, что отписать?

– К сожалению – да.

Мама позаботилась. Она знала, что уходит, и хотела, чтобы у меня были гарантии. Она многое на меня переписала из своего наследства. В том числе, часть активов своей фирмы – отец ведь ушёл в политику, и официально не мог заниматься бизнесом. Поэтому там всем рулила мама, пока не слегла. А потом – отец ушёл из администрации и снова сел в кресло гендира. Но так и остался иошкой... Собственно, фирма изначально была маминой – от отца ей перешла. Как

и дом, в котором сейчас все жили. Папа же у нас – честным вице-мэром сколько лет пробыл... В общем, мама, конечно же, хотела как лучше... Да вот только шакалы слюной капали на всё добро едва ли не с похорон.

Рассказываю всё это быстро-быстро, с пятого на десятое, но Монстр понимает и схватывает налету.

– Занятно, – тянет в конце моего рассказа.

– Обыденно, – отзываюсь я. – Эвелина же за папу не по любви вышла. Ей хорошей жизни хотелось. И каково знать, что на самом деле, главная ввезде – какая-то больная девица. А ей, столько усилий приложившей, только облизываться.

– И что ты предлагаешь? – он подаётся вперёд, подпирает голову руками, в глазах – явный интерес. Принял игру. Хорошо.

– Наказать отца. С вашей помощью. Вы ведь тоже хотите поквитаться с ним?

– Хочу, – подтверждает он, – и сгораю от любопытства, что же ты там такого придумала?

– На самом деле всё просто, – мне всё-таки удаётся вскинуть руку вверх и убрать волосы за ухо, – и банально. Буквально на поверхности...

– Не томи.

Мне страшно. Вот теперь – по-настоящему. Точно сочтёт сумасшедшей, пришибёт тут же. И даже закапывать не станет. Выбросит в окно на съедение псам. Я их слышала их лай, когда меня вели в тот подвал.

Успеваю нервно куснуть губу, хотя надо было бы прикусить язык, потому что уже в следующую секунду тот ляпает:
– Женитесь на мне.

Зажмуриваюсь.

Повисает театральная пауза.

А потом раздаётся смех.

В этот раз смеётся Монстр.

Надо мной.

Последним.

МОНСТР

А девчонка и впрямь забавная. И смелая. Он оценил. Не каждая могла бы сделать похитителю такое предложение... от котором ему – на самом деле – сложно отказаться.

И она права – когда он увидел весь расклад, то понял, что это и будет лучшим отмщением Сотникову. Когда все активы да и сам дом перейдут ему, Харитону Манькову, и он сможет выставить урода на улицу без копейки в кармане. Долго ли его мадам станет хранить ему верность?

– Поженимся – и я сразу отпишу всё вам, – рассказывала Анфиса. Тонкие пальчики подрагивали, волосы нервно поправляла, кусала губы. – Я же, по сути, недееспособная... Да и потом – не недолго осталось. Я вас не обременю...

Почему-то это признание перевернуло всё в душе. Хотелось орать: нет! не позволю тебе умереть! спасу тебя! Но сам же знал: глупость несусветная. Девочка – реалистка, вон каким тоном говорила, что для родного отца – обуза.

Что же за мразь ты, Сотников? Как так можно с родной дочерью?

В тот момент Харитон осознал: девочка совсем одна, никто за ней не придёт, никто не станет сражаться за неё. Как, должно быть, тяжело жить, понимая это.

Где только силёнки берёт?

Их разговор её вымотал – нанервничалась опять и отключилась. Он перенёс её в соседнюю комнату – пусть у малышки будет хотя бы иллюзия «своего пространства». Кореша, увидев его с такой ношей на руках, криво ухмыльнулись:

– Ты чего, босс?

– Ничего, – коротко ответил он. – Жениться решил. Эта девушка – моя невеста. Одно грязное слово, один сальный взгляд в её сторону – башку снесу на хер. Понятно?

– Да куда уж понятнее, – загомонили подельники. – Семья – святое. Для каждого из нас.

– То-то же...

Уложил её на кровать, ладошки взял – так и есть – ледяные.

– Малышка, теперь я и за тебя с уродом-Сотниковым поквиताюсь. Прости, что не успел сказать тебе: «Согласен». Да я так охерел, детка. Первый раз в жизни такое, чтоб баба сама жениться предлагала...

Едва дождался посыльного с лекарствами, которые Док прописал. Некоторые – влетели в копеечку, да и попотеть пришлось, чтобы их достать. Ещё и сиделка нужна... Только

где ж её взять? Нужно кого-то и своих...

Вышел из комнаты Анфисы – он теперь даже мысленно так называл то помещение – перебрался в кабинет. И сейчас размышлял об увиденном и услышанном. И о том, как трансформировалась его месть. Девочка – точно ангел, спаситель притом. Не позволила ему полным ублюдком стать, предложила альтернативу...

Харитона распирало от благодарности. Он обеспечит мелкой лучшие условия, высококласный уход, самые дорогие препараты. Всё, лишь бы жила. Она теперь – его семья, пусть ещё и не знает об этом.

Начать следует с ухода – девочка хоть и храбрится, но видно же, что очень слабенькая, а значит, рядом должен быть человек, который может и подхватит, когда его самого не будет возле...

– Димка, зайди, – набрал своего первого помощника.

Дмитрий Шелюха, бывший спецназовец, а теперь – лучший каратель в его, Монстра, армии, явился по первому зову.

Харитон осмотрел детину и вспомнил, как в первый день Димкиного появления здесь, нашлись смельчаки, которые решили поглумиться на его необычной фамилией. Поглумились... Одному пришлось вправлять челюсть, другому – ходить с гипсом на руке, третьему – тот вообще долго в реанимации провалялся с диагнозом «множественные травмы» – главный шутник, как оказалось. С тех пор никто больше не

пытался произнести фамилию Шелюха как-то по-другому. Чтобы им там не слышалось.

– Дим, ты говорил, что твоя сеструха в медицинском учится?

– Ну, – прокомментировал немногословный Шелюха.

– Хочу её сиделкой пригласить. Для Асечки.

– Асечки? – квадратную физиономию обезобразила работа мысли.

– Анфиса Сотникова, – уточнил Харитон, пожалев своего подручного.

Тот поскрёб бритый затылок огромной пятернёй.

– Ты же это... хотел её того...

Как всегда красноречив, подумалось Харитону.

– Перехотел.

– И? Теперь что?

– Теперь женюсь.

– О! – протянул Дмитрий. – Ну, поздравляю, что ли.

– Вот только не смогу с ней быть 24 на 7. Кто должен заботиться о ней...

– А она что – больная?

– Да, очень, смертельно.

Лицо Шелюхи снова исказилось непониманием, но, видимо, что-то решив для себя, он таки махнул рукой и сказал:

– А, ну ладно.

– Так пригласишь сестру?

– Не хотелось бы.

– Почему?

– Мужики тут. Много...

– И? – выгнул бровь Харитон. – Полагаешь, кто-то из них... осмелится тронуть твою сестру? – вернее, на языке вертелось: «Думаешь, кто-то позарится на эту троллиху?», но испытывать судьбу Харитон разумно не стал.

– Точно, – согласился, наконец, Дмитрий. – Тогда позову.

– Отлично, – обрадовался Харитон, – давай её номер, ски-ну аванс. И отправляй за ней машину.

Дмитрий расплылся в улыбке, козырнул и ушёл исполнять. А Маньков откинулся в кресле, явно довольный собой. Мадина Шелюха станет не только хорошей сиделкой, но и отличным защитником для Аси. Димка сам не раз хвастался, что учит сестру рукопашке, и та может любого уложить на лопатки. И стреляет метко.

Это хорошо. Просто замечательно. Как приедет, нужно будет выдать ей оружие.

Теперь – звонок «кроту», внедрённому в охрану дома Сотниковых.

– Ну что, ищут Анфису?

На той стороне трубки хмыкнули:

– Ещё бы им её не искать – без Анфисы они никто и ничто. Тут такие скандалы и бабий визг, что хоть уши затыкай. Как только Сотников терпит?

– То ли ещё будет, – хохотнул Харитон. – Какие у них там планы на вечер?

– Да судя по всему – никаких... Они как только наутро Анфису Григорьевну дома не обнаружили – сразу все визиты поотменяли. Сидят, думают, где искать.

– Скоро-скоро зверёк сам прибежит. Только вот как бы охотник не пожалел.

– Чую представление. Уже жду.

– Жди, скоро...

Теперь потребовался звонок Алевтине – «мадам» одного из лучших борделей областной столицы.

– Аленька, солнышко, – начал он елейным голоском, – выручай.

– Что, яйца дымят, аж переночевать негде? – прохрипела та. – Сейчас девочек подгоню – быстренько отсосут все проблемы. Как раз новенькие есть.

– Прости, Аль, я не поэтому вопросу. У меня теперь своя девочка есть, постоянная...

– Да ну! Ты никак осесть решил? Остепениться?

– Решил.

– И правильно, – пауза. – А от меня-то что надо?

– Нужно сделать из неё конфетку на этот вечер. Чтобы глаз не отвести. А я в этом ничего не понимаю. Для меня все эти стилисты-модельеры пидоры на одно лицо. Так что выручай. А за мной не заржавеет. И шмоток прихвати – и на выход, и для дома. А то у неё только пижама.

– Ты что – украл её?

– А если и украл?

– Да ты романтик! – прохрипела бандурша. – Через час всё будет.

Когда он в этот раз зашёл в комнату к Афисе, она сидела на кровати и ошарашено смотрела на людей, которые закатывали вешалки с одеждой, несли коробки с обувью и прочими девичьими безделушками.

Алевтина расстаралась.

Малышка окинула всё ошалелым взглядом.

– Это мне?

– Ну не мне же, – хмыкнул Харитон. – Сейчас придут люди, приведут тебя в порядок.

– За-а-чем? – поинтересовалась испугано. Так и есть – котёнок.

Харитон хмыкнул своим мыслям.

– Поедем в отчий дом – знакомиться с родителями и просить твоей руки.

И вот теперь Анфиса улыбнулась. Коварно так, недобро.

Харитону даже показалось, что у его ангелочка пробились рожки...

Но... рожки ей тоже очень шли.

И – он надеялся – на сегодняшнем вечере да с его помощью, она пустит их в ход.

Жди нас, Сотников. Мы уже скоро.

Из комнаты Анфисы Монстр вышел крайне довольный собой...

Глава 3

АНФИСА

Стою перед огромным зеркалом, смотрю в него и не узнаю себя. Красивых нарядов у меня со времён смерти мамы не было. Эвелина меня не баловала, у неё было кого. Да и рассуждала так: «Зачем инвалидке, которая никуда не выходит, красивые наряды» Я, впрочем, не возражала – мне действительно было некуда ходить...

И вот теперь... Протягиваю ладонь, трогаю отражение. Платье – нежно-розовое, довольно простого кроя, в пол. Но шёлк на нём так и струится, обтекая фигуру. Ажурный серебряный, украшенный жемчугом, пояс обнимает талию. Жемчужная «капелька» на тоненькой серебряной цепочке поблёскивает между ключиц.

Волосы мне зачесали на одно плечо. Лёгкий макияж тронул губы и веки. Дополнили имидж серебряные туфельки-лодочки и небольшой, усыпанный стразами, клатч.

– Пора идти, – говорю себе.

Нервничаю, но это – приятное покалывание. Потому что меня волнует, какое впечатление я произведу на... Мон... Харитона, поправляю себя. Раз уж мы теперь – жених и невеста (подумать только!), то, конечно же, должны звать друг друга по именам. Вот он и представился – Харитон Маньков. Смешное сочетание и... очень милое. Имя идёт к его тём-

но-синим глазам и тёмно-русый волосам, в которых путается солнце.

Да-да, он такой привлекательный.

А я? За последнее время совсем отошала – кожа да кости. Грудь, кажется, совсем уменьшилась – уже даже пуш-ап не спасает.

Беру сумочку, влезаю в туфельки, становясь хоть немного выше, и всё-таки выхожу.

Спускаюсь медленно и радуюсь, что Харитон пока что не смотрит на меня. Но когда он оборачивается, и я попадаю в плен его глаз, то замираю на ступеньке, вцепившись в перила. Боюсь не то, что двигаться, дышать.

– Подойди, – и голос его – низкий, хриловатый – будоражит.

Я подхватываю одной рукой подол, другой – сильнее прижимаю к себе клатч и иду. Господи, дай мне сил дойти и услышать свой приговор.

Подхожу близко-близко, так, что его терпкий дерзкий парфюм ударяет в нос, поднять глаза вверх не решаюсь.

– Дай мне руку, – продолжает командовать он.

Протягиваю, пальцы дрожат. Моя ладонь – тонет в его, горячий, твёрдой, чуть шершавой.

– А теперь – смотри на меня, не отводи взгляд.

Вскидываю глаза, судорожно облизываю губы. Он же – лезет в карман, достаёт кольцо и надевает мне на палец. Сердце пропускает удар, один, второй...

– Подумал, что не хватало для полной картины, – лукаво улыбается Харитон, становясь вдруг почти юным. Как же ему идёт улыбка!

Вытягиваю руку вперёд, развожу пальцы, люблюсь. Белое золото изгибается в тонкой вязи веточек и листьев. Капельками росы поблёскивают крохотные бриллианты, а жемчужина – словно нераспустившийся бутон. Как изящно и красиво.

– Спасибо, – еле бормочу, потому что от восторга перехватывает дыхание.

Харитон лишь хмыкает, и глазах у него на мгновение промелькивает что-то хищное и недоброе. Но проанализировать не успеваю. Он берёт меня под локоть и произносит:

– Идём, нас, наверное, уже заждались.

Киваю и следую за ним.

Он галантно открывает передо мной заднюю дверь и помогает усесться на заднее сидение. Потом – ныряет следом. Когда я ехала к нему, вспоминается вдруг, сидела тоже сзади ни жива, ни мертва... А теперь... Внутри тоже всё обмирает, но это чувство приятно. Оно сродни тому, когда ты на качели подлетаешь в самую высшую точку, а потом – буквально падаешь вниз. И сердце ухается в пятки и колотится в них, а тебе одновременно страшно и приятно. Это ощущение щекочет и заставляет улыбаться.

Харитон сжимает мою руку – осторожно, нежно, словно изучает.

– Волнуешься? – подмигивает мне.

– Да, – не лукавлю я.

– Мы вместе теперь, в одной лодке. Не переживай, просто доверься мне.

Доверится? Человеку, который ещё недавно угрожал мне? Который собирался меня убить и закопать в лесопосадке? Я отлично понимаю, что затишье сейчас временное и что Монстр в любой момент пустит в ход когти и зубы. А значит, мне нужно быть начеку, не терять бдительность. Поэтому я и напряжена, натянута, как струна. Оттого и улыбка в ответ на его предложение о доверии выходит кривой и неискренней. Напрочь убивая недавние счастье и полёт.

– Извини, – мотаю головой, на «ты» перейти получилось и по имени звать, но на большее меня пока не хватает, – но нет...

– Нет, значит, – и снова этот недобрый хищный взгляд. Словно он сожрать меня хочет. Живьём. Я аж зажмуриваюсь. – Эй, – щёлкает по носу, вынуждая открыть глаза, – так не пойдёт...

– Ч-ч-т-то н-не п-пойд-дёт? – лепечу, запинаясь.

– Напряжение твоё, – говорит он. – Они же нас быстро раскусят, и тогда вся задумка насмарку.

Тут я с ним согласна, но с реакциями организма ничего поделать не могу. С одной стороны я таю от этого мужчины, с другой стороны – до чёртиков боюсь его. И это сплетается в дикий коктейль, из-за которого я не могу здраво мыслить

и рассуждать.

Харитон осматривает меня как-то чересчур внимательно, качает головой, явно недоволен...

– Придётся всё брать в свои руки и расслаблять тебя...

Сказав, он подаётся ко мне, заставляя буквально вжаться в кресло и приближает своё лицо к моему.

Что он задумал? Поцелуй... Нет-нет, я не готова. Мой первый поцелуй... Он...

– ... случится сейчас, – заканчивает выпаленную мной вслух фразу Харитон и... впивается в мои губы...

МОНСТР

Сладкая. Какая же она сладкая...

Он не любил целоваться. Впрочем, тех девок, с которыми обычно имел дело, целовать было брезгливо – в их ртах столько членов перебивало! Поэтому там был трах, только трах – жесткий, грубый, без заботы о партнёрше. Просто снять напряжение. Расслабиться.

А поцелуи?.. Последний случился в те незапамятные времена, когда он был ещё стеснительным Харитошей. А она – волшебной девочкой из мечты. Оказавшейся на деле – отменной сучкой, потому что ушла, когда узнала с кем решил свети счёты её возлюбленный.

Воспоминание о той, полузабытой, любви – первой и, как ему тогда казалось, настоящей – обжигает огнём. Он отрывается от Сотниковой, смотрит на неё затуманенным взглядом. И тонет в этой сладости. И ещё глаза эти её – испу-

ганные, громадные, серые, – в них ныряешь и теряешь себя.

И тоненькие пальчики, удивлённо скользящие по губам...

Когда-то он полагал, что женские губы созданы лишь для одного – доставлять удовольствие мужчине. А теперь... Он сам не прочь доставлять удовольствие. Ага, прямо в постель. Только вот... адресат доставки что-то не рад.

Она, что, блядь, плакать удумала?

Глазищами хлопает, уголки губ опустила.

– Что не так? – вырвалось резче, чем ожидал. Девочка дёргается, как от удара.

– Просто... – она опускает глаза... – ты, наверное, будешь смеяться, но я ведь девчонка. Мы все – немного глупые, мечтаем о несбыточном. Вот и я мечтала, что мой первый поцелуй будет по любви и с любимым... А не так... Чтобы расслабиться...

Последних слов он не слышит – они вязнут в гуле, которым наполнена его голова.

... с любимым...

Конечно, он ведь не любимый... Не герой и не принц, из тех, с которыми нежные девочки целуются под луной.

Он монстр, ему вообще целовать не пристало. Только брать, рвать, драть, без жалости и снисхождения. А от чего там баба орёт – от боли или удовольствия – вообще по хер.

И тут – Сотникова, блядская дочь врага, та, которую он хотел уничтожить, превратить её жизнь в ад, – она, эта полудохлая девчонка, отшивает его...

И это, блядь, больно.

Поэтому ощерился хищно, руку её сжал чувствительно и сказал почти зло:

– Привыкай. Ты теперь моя невеста. Иначе – зачем вообще этот спектакль? Щаз выкину тебя из машины на всём ходу, а с твоим батей и мачехой мы и без тебя славно развлечёмся.

Она заморгала глазами, часто-часто, отодвинулась по-дальше, отвернулась.

А ему паршиво – хоть вой. Всё что может – угрожать и запугивать маленькую беззащитную девочку. Докатился. Пиздец просто.

Сам же, уёбок, попросил о доверии. Как она доверять станет, если он только и может, что давить.

Прости, малыш. Это от бессилия. Потому, что не знаю, что делать и как поступать. Ты же хрустальная. Тебя касаться боязно. Особенно так, как привык.

– Ладно, не дуйся, – попробовал наладить мирные отношения. – Раз я принял твоё предложение, значит, оно понравилось мне. А стало быть – доиграем в любовь. Потешим твоего батеньку.

– Ты прав, – девочка судорожно перевела дыхание. – И прости за моё поведение. Я не должна была говорить то, что сказала...

Блядь! Нет! Так нельзя!

Почему она – ОНА! – извиняется за свои слова? Чуткая,

нежная, поняла, что обидела и истолковала его обижульки правильно.

Впервые за много лет, прошедших с той поры, когда он ещё был счастливым и правильным, Харитону стало стыдно. Так, что реально не знал, куда себя деть.

– Ты тоже... это... прости... – пробормотал и отвернулся к окну. А её ладошку нашёл, цапнул, пальцы переплёл. Грёбанная романтика. И он её себе хоть кусочек урвёт.

– Знаешь, – нежным голоском пролепетала она, – давай ещё раз...

– Что? – сделал большие удивлённые глаза.

– Ну... поцелуемся... – проговорила и вспыхнула, как маков цвет.

– А как же большая и светлая? И луна со звёздами?

– О чём ты? – теперь её глаза округлились.

– О девчоночьих мечтах. Вы же мечтаете о поцелуях с принцем под луной.

Анфиса усмехнулась:

– Так то первый поцелуй. Второй можно и без любви...

– А, понятно... – он откинулся на сиденье, посмотрел на девчонку лукаво и сказал: – А может теперь я не хочу... Без любви... Тебе надо – ты и целуй. Давай, прояви инициативу, *невеста...*

Анфиса – маленькая, но пиздец какая смелая, до глупости, – действительно потянулась к нему, сама в пасть к хищнику...

Он не дождался, перехватил по дороге, аккуратно сжал запястье – *блядь, тоненькое какое, только бы не сломать ненароком* – талию облапил, на себя дёрнул и поцеловал так, что обоим вскоре перестало хватать воздуха...

В этот раз нежные щёчки его пленницы порозовели, а в глазах заплясали искорки. И он снова увидел того чертёнка, что нет-нет да проглядывал в этом ангелочке...

Машина остановилась так внезапно, что они оба дёрнулись.

Перегородка между водительским креслом и ими опустилась.

– Прибыли, – сообщил Димка Шелюха, оборачиваясь к боссу. Сегодня Дмитрий сам сел за руль. После того разговора между ними возникло что-то типа дружбы. И Харитон не захотел посвящать в свои планы кого-то ещё.

Открыл дверь, выбрался, оценил дом...

Нехило устроился гнида-Сотников. Честный чиновник и бизнесмен? Ага, как же. На кровно заработанные такие дворцы не грохают.

Помог выбраться Анфисе, заметил, как подобралась. Кажется, когда была в его подвале – и то меньше паниковала. Пришлось снова за руку взять.

– Успокойся. – Анфиса лишь кивнула. – Вспомни чёртика.

– Какого чёртика?

– Того, что сидит у тебя внутри и иногда показывает рож-

ки. Поверь, он очень милый. Выпусти его...

– Чертика, значит... – решила там что-то в своей светлой головушке и сама за руку потащила к воротам. – Говорить буду я, а ты молчи...

– Понял-понял, сейчас ты у нас босс, и ты ведёшь...

Сейчас было весело и приятно. Куда лучше, чем ходить по тонкому льду, которым прикрыто море чувств. Того и гляди ухнешь в бездну и не выберешься больше.

Анфиса сама объяснилась с охранниками, их пропустили внутрь.

– Мы с тобой вовремя, – обернулась к нему, когда уже шли по дорожке к дому, – как раз на семейный обед. К столу, так сказать.

– Поздновато обедают, – хмыкнул Харитон.

– Ага, – отозвалась Анфиса, прижимая к себе сумочку, будто спасательный круг, и сильнее вцепливаясь в ладонь своего похитителя.

Домработница, открывшая дверь, вежливо удивилась, но отступила, пропуская внутрь.

А тут все выстроились – прямо, как на парад: Сотников, обрюзг, разжирел, тварь, его жёнушка, у которой на лбу большими буквами выбито: «Стерва» и ейная дочка, знойная штучка. Похитить он её, а не Анфиску, сейчас бы его член уже был бы знатно отполирован – ротик у девахи явно рабочий.

– Асенька! – показательно всплеснула руками *Стерва*. – Ну, наконец-то! Мы так волновались! Ты исчезла и не сказала куда?

Подошла, обняла за плечи, расцеловала в щёки. Анфиса впала в ступор. Пришлось сжать ладошку посильнее, чтобы привести в чувство.

– А я к парню своему ездила, – полуобернувшись к нему, нервно дёрнула уголком губ. Переигрывает слегка, но ничего.

– Парень – это я, – помахал рукой всем собравшимся, подмигнул *Мисс Рабочий Рот*.

– Извольте представиться, – вступил в разговор Сотников. – Должен же я знать, кто собирается похитить у меня единственную дочь.

Харитон подкол оценил, ослабил, протянул руку:

– Маньков, сын Меланьи Маньковой и брат Нины, – сказал и с хищным удовлетворением заметил, как вытянулось и побледнело лицо этого отморозка.

Узнал. Хорошо. Теперь веселее пойдёт.

И Харитон улыбнулся ещё шире.

Глава 4

АНФИСА

Смотрю, как отец меняется в лице и почти бросает руку Харитона. Будто коснулся ядовитой змеи. А Маньков же – лыбится до ушей, явно довольный произведённым эффектом. Что же у них произошло? Что натворил мой отец? Как задолжал Харитону? Знать бы ответы...

– Может, пройдем за стол? – суетится Эвелина, изображая радушную хозяйку.

Я снова беру за руку Харитона – мы ведь договорились *играть в любовь*, прижимаюсь к нему. А он – по-хозяйски обнимает меня. И я ловлю себя на том, что его прикосновения совсем непротивны, как раз наоборот. Меня будто обволакивает ощущением силы и нежности одновременно. Чувствую себя защищённой. В кои-то веки. И это приятно.

А ещё – до злорадства – нравится видеть, как юлит перед моим *женихом* Эвелина, как стреляет в него глазками Вика. Мне хочется даже не смеяться – хохотать над происходящим. Но я держусь.

Харитон галантно отодвигает мне стул, помогает сесть, сам садиться рядом. Переплетает наши пальцы. Делает всё это демонстративно, но каждое действие достигает цели.

Перед нами появляются столовые приборы и бокалы.

Отец сам – почему-то – берётся разливать вино. Его рука

дрожит, и несколько красных капель падает на белоснежную скатерть.

Он торопливо извиняется, хватая свой бокал, встаёт и, криво, неловко улыбаясь, произносит:

– Как говориться – тост назрел сам собой.

Более нелепой глупости не придумать. Что это с моим папулей? Обычно, он куда более красноречив. Как-никак столько лет повизался в политике. Умел значимо произносить пустые громкие речи. А тут – вдруг подрастерял талант оратора, городит одну чушь на другую и улыбка его более походит на нервный тик.

– Предлагаю выпить за будущую семью, так сказать.

Звон бокалов, корявые поздравления, фальшивые улыбки. Мне кажется – сам воздух вокруг нас звенит от напряжения.

Отец садится на место, ёрзает на стуле.

– Как вы познакомились? – интересуется Эвелина, безуспешно пытаясь поддеть грибок на вилку.

Мы с Харитоном переглядываемся: упс, попали. Не продумали. И поэтому выпаливаю первое пришедшее в голову в надежде, что Харитон меня поддержит:

– В интернете.

– Да-да, – кивает Маньков. – Так и было.

И смотрит на меня выразительно: мол, давай, ври дальше, от этого зависит твоя жизнь.

– На сайте знакомств? – хихикает Вика.

– Что ты?! Где сайты знакомств, и где – мой Харитоша! – продолжаю я. – На кулинарном, конечно.

Все давятся и закашливаются, включая Харитона.

– На кулинарном? – на всякий случай уточняет он.

– Ну да, мы там обсуждали всякие рецепты, – и делаю бровками.

– А, точно, – легко ударяет себя по лбу. – Мы обсуждали приготовление кровавой колбасы и языка в гриле. Особенно хороши – длинные языки.

Ах-ах, мы умеем изощрённом стебаться. Молодец, уделал. Посыл уловила, не дура.

– А вы готовите? – подхватывает Эвелина.

– Угу, – хмыкает Харитон, зверски разрезая стейк, – особенно те блюда, которые подают холодными.

– Это салаты, что ли? – ляпает Виктория.

Он ловит её взгляд, хищно ухмыляется и говорит в повисшей вдруг, напряжённой тишине:

– Фарш. Предпочитаю его. Хорошей такой прокрутки.

Отец неприлично икает, кидает вилку, вскакивает:

– Анфиса! За мной! Нужно поговорить!

Оу, по полному имени. Значит, зол. Очень зол.

Встаю нарочито медленно, кладу руку на плечо Харитону:

– Я быстро, *любимый*, не скучай.

Он перехватывает мою ладошку, подносит к губам, целует, не отрывая от меня взгляда. Слегка потряхивает – мне ведь приходится играть на два фронта: *с ним* и *с ними*. И

проиграть страшно в любом случае. На кону, в буквальном смысле, моя жизнь.

Отец несётся впереди в свой кабинет, я едва поспеваю за ним на каблуках – мне непривычна такая обувь.

Залетев в кабинет и захлопнув за собой дверь, любимый родитель, даже не предложив мне сесть, бежит к бару, достаёт коньяк, плескает себе в стакан, осушает одним глотком:

– Ты... – наконец, начинает он, полуобернувшись ко мне и тыча в меня дрожащим пальцем, – ты... Ты хоть знаешь, с кем связалась?!

– Да, Харитон меня просветил насчёт своей... сферы деятельности.

– Дура! Его не зря называют Монстром! У него же руки в крови!

А у тебя? Так и подмывает спросить. Неспроста же Харитон затеял эту месть. Он не глуп. Значит, папочка мой заслужил.

– Ты собирався сплавить меня в реабилитационный центр, где люди долго не живут. Хотели, чтобы я вам всё переписала, и вы бы жили дальше припеваючи? Па, не строй из себя невинность, ладно.

Сажусь в кресло сама, без приглашения. Закидываю ногу за ногу. И смотрю на него в упор.

– Что, трахнулась с бандитом и решила, что теперь можешь всё? Родного отца унижать?

– Па, ты знаешь, как плакала мама? Тихонько, в подуш-

ку, чтобы никто не видел. Она до последнего не хотела тебя расстраивать. Она любила тебя... А ты? Разве ты не унижил её, когда привёл в дом Эвелину?

– Анфиса! Мы уже много раз это обсуждали! – он грохает кулаком по столу. И буквально пару дней назад я бы вздрогнула и испугалась не на шутку. Но после подвала Монстра, разговоров о том, как меня вывезут в лесопосадку, у меня словно иммунитет. Лимит страха исчерпан. Мой организм отказывается бояться. Поэтому продолжаю смотреть в упор и качать ногой.

– Да, мы обсуждали. Ты нашёл себе оправдание. Но вот беда, – цокаю языком, – я не нашла. И не найду.

– Чего ты хочешь? Озвучь условия! Не хочешь в центр – не поедешь! Только... его, – он тычет пальцем в сторону двери, указывая на того, кто остался внизу, в столовой, – убери из моего дома. Не дури!

– А я и не дую, – подаюсь вперёд, впиваюсь в него взглядом. – Ты не допускаешь, что у меня к нему есть чувства?

– К нему? – вскидывает брови отец. – У тебя что – стокгольмский синдром?

– Зачем же? У нас всё по согласию. Харитон балует меня.

– Он играет тобой. Ты разве не понимаешь?

Вскидываю руку и, поморщившись, прерываю его излишняя:

– Вот только не надо строить из себя заботливого папочку. Поздно, пап. Ты предал маму. Ты предал меня. Я больше

тебе не верю...

Встаю и направляюсь к двери:

– Мне лучше пойти вниз, а то, чую, скоро твои любимые пираньи от моего жениха и косточек не оставят.

И, гордо развернувшись, ухожу.

Как там говорил Харитон – выпустить чертёнка. Кажется, сейчас я неплохо выгуляла своё рогатое альтерэго. И мне даже не стыдно.

МОНСТР

Харитон прогуливался по кабинету, подпевая классической мелодии. В минуты своего триумфа он любил послушать «Четыре времени года» Вивальди. Привычка – родом из детства. Мать – учитель музыки – приучила любить и ценить классику...

Всё прошло пиздец как удачно. Умница Глазастик. Отличный план придумала – перекошенная рожа Сотникова ещё долго будет стоять в памяти и вызывать победную злорадную ухмылку. А то ли ещё будет!

Маньков нарочно задумал пышную и громкую свадьбу, непременно с привлечением прессы. Ему хотелось, что бы и сам сука-Сотников и его блядовитые бабы поперхнулись завистью. Пусть его Анфиска блистает! Его? Да неужели, Маньков? А чья же? – с почти диким рычанием внутри. *Моя*. Утробно. Глубинно. На уровне инстинктов.

Теперь, главное, ей донести, чтобы осознала. И не таращилась испуганно, а привыкала... Он ведь сегодня был мо-

лодцом, устоял.

А соблазн... Вон он, крутился рядом, сам шёл в руки, блядь.

Стоило Анфисе уцокать вслед за отцом, как Викуся *Рабочий Рот* пересела поближе, доверительно положила ладонь на рукав его пиджака, заглянула в глаза.

Шлюха. К отсосу готова. Ага, крупными буквами светилось через всю её морду.

Усмехнулась, облизнулась, а его – передёрнуло. Впервые передёрнуло от бабы, которая сама на него чуть ли не прыгала.

– Харитон, – с придыханием, подзакатив глазки, – и что такой мужчина, как вы, мог найти в Анфисе?

Пожал плечами, хмыкнул. Им не понять.

Эвелина тоже села поближе, на всякий случай. Верная супруга, что пиздец. Запахло жареным – сразу присматривает себе новый член с кошельком. Да потолще – и то, и другое.

– Да, мне вот тоже всегда было интересно, чем серые мышки вроде её мамыши покоряют мужчин?

Сложил руки на груди, закрылся от них. Не-не, сучки, сегодня я пас.

– Искренностью.

Его ответит был для них, как гром среди ясного неба, – обе вздрогнули, переглянулись.

Искренность? Нет, не слышали.

Эвелина – *Радужная Хозяйка* – расхохоталась.

– Ах, Харитон, право же, – замахала руками. – Вы словно по классике: «Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад». Наша скромная Асенька – та ещё лгунья.

Он прищурился. Прекрасно знал, какой эффект производит его прищур на баб. Одна живописала в красках.

Ресницы такие длиннющие, загнутые на концах. А между ними – синяя радужка – как сапфировые клинки, опасные и разящие.

Иногда попадались поэтессы. Ога. После трёх оргазмов за раз и не так засочиняешь.

– Мадам и мисс, – он наклонился вперёд, ближе к ним, – есть ситуации, когда лгать – опасно для жизни. Вот тогда-то человек и обнажается до глубины души.

– Вы уверены? – подавила смешок Большеротая Вика. – Аська отлично умеет прятать эмоции.

Он тоже умеет. И знает, что к этому приводит. Какие обстоятельства вынуждают человека стать скрытным. Поэтому непроизвольно сжимает кулаки.

– А ещё – как все больные – Ася отлично научилась манипулировать. Как чуть что – у неё приступ. И все жалеют несчастную. И уже нет желания искать правду.

– У меня всегда есть, – он ухмыльнулся. – А если правду от меня прячут – раздираю в клочья душу, но всё равно нахожу. И тогда лжецу приходится ой как несладко. Уж поверьте.

Бабы присмирели, отпрянули.

Он не собирался говорить им, что сегодня ему достался первый Асин поцелуй. Ни одна из них не могла преподнести ему такой подарок. Но то воспоминание было слишком прекрасно и интимно, чтобы какие-то сучки знали о нём.

Асенька сегодня прямо молодец. Как держалась! Невольно восхищался. Спустилась вниз с видом королевы-победительницы. Как раз вовремя, потому что он устал уже от общения с Эвелиной и Викой, едва ли не задохнулся разящей от них похотью.

Анфиса принесла с собой свежесть и облегчение.

Спасла и увела.

А в машине – доверчиво опустила голову на плечо и заснула. Малышки редко вот так просто спали с ним рядом. Чаще – не спали. И уж точно – не у него на коленях. А перед ним. С занятым ртом.

Нежный ротик Аси он тоже рассматривал всю дорогу. Губки у неё пухленькие, но всё естественное, своё. А то устал уже от накаченных силиконовых кукол. Как резиновую Зину ебёшь, ей Богу.

Он хотел её ротик. Очень. Раздвинуть её губки членом и засадить по самые гланды, чтобы плакала и давилась. Почему-то её чистота и нетронутость во всех местах будила Зверя и желание запятнать, испортить, заклеить собой...

Так и надо. А то он сильно размяк. Ещё чуть-чуть, и девчонка начнёт властвовать над ним. А этого нельзя допустить.

Он игнорировал мысль, что его до сих пор ещё вспенивало

и злило то, что она мечтала о первом поцелуи с любимым.

Нахуй. Какая, в херах, любовь? Что за сантименты?

Он сейчас же пойдёт к ней в комнату, куда она свинтила сразу, как они приехали, поставит её на колени и сделает то, что планировал с самого начала.

Она должна платить за то, что он подыгрывает ей. Что он остался сегодня без секса по её вине.

И вообще... она не должна забывать своё место.

А он – как раз проверит её искренность и глубину глотки.

Красивые губы Харитона скривила похотливая ухмылочка, и он, походкой сытого тигра, направился в комнату, где сам поселил Анфису.

Больше не будет у неё личного пространства.

Он не позволит прятаться.

С ним – только нараспашку: телом, душой, помыслами.

А иначе никак...

Глава 5

АНФИСА

Сажу перед зеркалом и привожу себя в порядок после душа. На мне сейчас только лёгкая, почти пуританская – если не считать её прозрачности – сорочка. За сегодняшний день я смертельно устала. Хочется поскорее добраться до постели и отключиться... Но если не расчешу и не высушу сейчас волосы – завтра не смогу их разодрать. Так и буду потом ходить с причёской, будто меня током ударили.

Ну, вот, оглядываю себя, так-то лучше.

Поднимаюсь, чтобы идти спать, когда дверь открывается чуть ли не с пинка. Раньше я замыкалась, но сегодня – решив, что мы с Харитоном стали полноценными партнёрами, у которых общие цели и дело, – не повернула ключ в двери.

И теперь она распахивается, являя мне... Монстра во всей красе. От него – змеясь и чуть ли не шипя – струится тьма. Посильнее той, что была тогда в подвале. Синие глаза сейчас почти чёрные из-за расширенных зрачков.

Я невольно пячусь назад, упираюсь бедром в туалетный столик, шарю по нему рукой...

Ну, где же, где?..

Монстр – называть это существо Харитоном мне не хочется – ухмыляется криво и зло. Идёт на меня, заставляя ещё сильнее вжиматься в деревянную поверхность, будто ища в

ней поддержки...

– Асенька, – тянет он с притворно-нежно, – куда это ты собралась?

– С-спать... – Чёрт! Мне вновь страшно, и я заикаюсь.

– Без меня? – брови измалывает фальшивое удивление. – Нехорошо, ай-яй-яй...

– Харитон, послушай... – выставляю ладонь вперёд. – Я, правда, устала.

– Да и я не отдохнул, – хмыкает он. – Поэтому давай, расслабь меня... – и тянется к ширинке с явным, недвусмысленным намерением...

Нет-нет-нет... Так мы не договаривались! Сердце снова начинает колотиться в горле, подкатывает паника.

Он – явно выпивший, а я понятия не имею, как вести себя с пьяными агрессивными мужчинами.

Поэтому радуюсь, когда, наконец, нахожу пилочку для ногтей. Не стоит недооценивать этот предмет женского туалета. Я в своей одинокой жизни многое пересмотрела. В том числе – как нанести травмы, не совместимые с жизнью, банальной пилочкой...

Поэтому успеваю отскочить к окну и приставляю оружие к своему горлу – да, мне страшно и неохота умирать, но я сделаю это... Лучше смерть, чем унижение. Последних хватало в моей жизни – новое не переживу.

– Ещё шаг, – хриплю я, поскольку горло стискивают когти страха, – и я всажу эту хрень себе в горло. И тогда твоя месть

накроется медным тазом.

Он меняется в лице, мгновенно переключая режим с Монстра на Харитона, кажется, даже слегка бледнеет.

– Тише-тише, малыш, не кипишуй. Не делай резких движений. А главное – брось это штуку. Будь умницей...

Мотаю головой, и сильнее вжимаю в шею острый предмет, чувствую, как натягивается кожа, судорожно сглатываю колючий ком. Всё-таки умирать или увечить себя страшно. Но... у меня нет выбора. Как ещё его заставить считаться со мной.

– Уходи, – говорю я. – Пока я ещё тебе верю.

– Верь мне, детка. Я не уйду, и мы поговорим. Просто поговорим.

Меня душат слёзы.

Блин... Что же он такой непробиваемый?! Рука, сжимающая пилочку, дрожит...

– Не могу... Пожалуйста... Уходи...

Давлю ещё сильнее – кожа у меня нежная и вот-вот порвётся.

– Асенька, ты же умница, – увещевает он, – а я перегнул палку, лохонулся... Давай, брось бяку. Не порти свою прелестную шейку. Это мужчин шрамы украшают. Для женщин они – позор.

Меня уже нешуточно трясёт, слёзы застыли глаза...

Я не могу... У меня не получится...

Роняю руку с пилочкой вниз и сползаю следом сама, боль-

но грохаясь коленями об пол.

Харитон кидается ко мне, присаживается рядом, сгребает в охапку.

– Дурочка моя маленькая... Никогда так больше не делай, слышишь? Никогда!

Подхватывает меня на руки, несёт на кровать, усаживает на край и укутывает своим пиджаком – таким огромным, что я тону в нём. Наверное, один хлюпающий нос и торчит.

Харитон опускается передо мной на колени, заглядывает в глаза, беззлобно ворчит:

– Дурёха! Но зачем ты так? Ведь нет ничего важнее жизни...

Мотаю головой:

– Нет, это неверное утверждение. Очень много ситуаций, когда жизнь становится бессмысленной. Когда тебе не за что цепляться. Когда ты сломлен и уничтожен. – Всхлипываю, потому что успокоится всё никак не получается – внутри ещё дрожит натянутая струна паники. – Я знаю, о чём говорю. Мне недолго осталось, но я бы хотела прожить оставшееся время, сохранив остатки достоинства и гордости. И если это невозможно – предпочту умереть...

Теперь уже его начинает трясти. Сильнее обнимает мои бёдра, роняет голову мне на колени, бормочет едва слышно...

– Ты ведь простишь?

– Подумаю, – меня злит, что он просит прощения, спрятав

лицо, не глядя в глаза. Но потом понимаю – ему стыдно, и он не в силах побороть этот стыд. Поэтому слегка смягчаюсь. – Если ты не будешь стремиться перевести наши отношения в горизонтальную плоскость. Только тогда. – И, вздохнув, добавляю: – Фиктивный брак напоказ. Только так...

– Сурово, – усмехается он, выпрямляется и всё-таки заглядывает мне в глаза. – А если бы не нужно было этой показухи, ты бы вышла за меня? Просто так?

И... ждёт ответа.

А я замираю. Что это – подвох? Новая проверка? Что будет, если отвечу правду? Он опять взбесится.

Харитон же – сжимает мои ладошки, пристально смотрит в глаза и говорит:

– Скажи, как есть. Мне, правда, важно.

А мне, правда, страшно. И я, внутренне подобравшись, как перед прыжком, отвечаю:

– Нет, – и, чуть подумав, добавляю: – Ты – не герой моего романа.

Замечаю, что от моих слов Харитон вздрагивает, будто я влепила ему пощёчину. Но всё-таки собирается с силами и спрашивает спокойно, даже слегка иронично:

– А какой он, твой герой, расскажешь?

Усаживается на коврик у моих ног, готовится слушать.

И я удовлетворяю его любопытство. Почему? Может быть, потому, что самой уже надоело и юлить, и бояться. А хочется, действительно, спрятаться за каменной стеной в виде лю-

бящего и заботливого мужчины.

– Он сильный, смелый, ответственный.

Харитон криво ухмыляется:

– Значит, я не такой?

– Да, – произношу, окончательно осмелев. – Ты слабый и трусливый, потому что даже месть свою задумал не напрямую моему отцу, а – по сути – мне. Потому что ни в чём неповинную меня собирался ломать и устраивать мне ад. А ещё ты безответственный. Потому что других судишь за их плохие поступки, а сам готов вести себя ещё хуже – растоптать невинную девушку и выбросить её в лес. Уйти от ответственности за содеянное. Ведь за меня же никто не отомстит. Да и я сама – тоже...

Во время моей тирады Харитон нервно кусает губы, сжимает и разжимает кулаки, сверкает глазами. Это снова пугает меня, но меня уже несёт, и я не могу остановиться...

Но к моему удивлению Харитон не набрасывается на меня с кулаками, не орёт, не угрожает, а просто сидит и смотрит в одну точку перед собой.

И, когда уже пауза становится нервирующей, наконец, произносит:

– А если я стану сильным, смелым и ответственным, то смогу спросить тебя ещё раз – выйдешь ли ты за меня по-настоящему?

– Сначала стань – а потом поговорим, – устало отзываюсь я.

– Спасибо за шанс, – отвечает он, встаёт и уходит, аккуратно прикрыв за собой дверь.

И только тогда я падаю на подушки и позволяю себе выреваться...

МОНСТР

Раз за разом она делает то, чего он никому не позволял уже много лет – снимает с него броню. Раздевает до самой души, обнажает её, и та ёжится, соприкоснувшись с холодной действительностью.

Вот и теперь Харитон поспешил уйти. Потому что ещё немного и... ОН даже не знает, чтобы было с ним. То, что она сказала сегодня, проделало огромную брешь в его обороне. И теперь он понятия не имел, как защищаться. Ему никто никогда не отказывал – просто не смел. Да другие девицы и не хотели – влиятельный, привлекательный, опасный, трахается, опять же, хорошо. Этого было достаточно. И не требовалась работа души. А что делать теперь, когда потребовалась? Как стать тем, о котором говорила маленькая чертовка с серыми глазищами – смелым, сильным, ответственным?.. Ведь он думал, что уже такой. Уверен был.

– Блядь!..

Вернувшись в свой кабинет, Харитон метался по нему, как загнанный в клетку зверь. Готов был разносить всё на своём пути, но здравый смысл таки прорывался через пелену гнева и подсказывал, что от этого легче не станет.

Надо с кем-то посоветоваться, у кого-то спросить, как

быть дальше. Он же полный профан в отношениях. Это даже отрицать глупо. К отношениям с противоположным полом не стремился. Во-первых, не до того было. Во-вторых, свято верил: баба в отношениях – сплошной головняк с геморром напополам. И тут... Надо же так встрять! Притом – по доброй воле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.